Шолохов Михаил 21.05.94

Валентин Осипов

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ МИХАИЛА ШОЛОХОВА

НОВЫЕ ФАКТЫ БИОГРАФИИ

Смею утверждать: мы не знаем настоящего Михаила Шолохова. Всемирно известны его романы, но лишь после смерти писателя обнаруживаются шрамы от политкупюр.

Сочинялись позолоченые биографии для учебников и юбилейных статей, а подлинную его жизнь упрятывали по секретным архивам.

Вот и появляется: «Сталинист Шолохов, в массовом сознании предстающий (и не без основания) столпом рухнувшей системы, классиком соцреализма, гонителем диссидентов». Таков приговор, данный в прошлом году одной миллионнотиражной газетой.

Заканчиваю книгу «Тайная жизнь» Михаила Шолохова... Документальная хроника без легенд». «Культура» уже печатала выдержки из нее, касающиеся и фактов неизвестной жизни писателя, и материалов к новому прочтению «Поднятой целины».

И вот новые находки по архивам ЦК и КГБ...

ОТВЕРГНУТАЯ РЕКОМЕНДАЦИЯ

1929-й год. ЦК задумал «Историю гражданской войны». Горький с письмом к Сталину — советует привлечь Шолохова.

Ответ через два месяца. О Шолохове будто не читал. Пишет, что привлечет «политически стойких товарищей». Добавил: «Так будет верней».

Вскоре «Правда» обнародует «План издания» этой «Истории». Вешенское восстание предписано именовать «Казачьей Вандеей». Это узаконено: те, кто спровоцирован рассказачиванием — десятки тысяч Мелеховых — изгои, отщепенцы и враги.

Из письма Шолохова через месяц: «Пожалуйста, не пишите в ЦК и не высказывайте на мой счет никаких опасений... А то неровен час,— пришьют мне «казачий уклон».

Он продолжает роман вопреки установкам ЦК.

В этом же году Сталин вывел: «Тов. Шолохов допустил в своем «Тихом Доне» ряд грубейших ошибок...». Спустя 20 лет обнародует. О последствиях — далее.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЕРЕСАЕВА

В дневнике В. Вересаева нахожу о Шолохове. Записано, как Сталин выслушивал от вешенца правду об ужасах коллективизации и затем неожиданно, не сказав ни слова, встал и вышел.

Напомню: в архивах выявлено 7 писем из Вешек вождю с обличением и аграрной политики, и политических репрессий, и причин голодомора в 1932—1933 годы, и той обстановки, что сложилась вокруг самого писателя. В них многострадальная история Дона с 1931 по 1938 год. Сталин в ответ с угрозой: «Ваши письма не беллетристика, а типичная политика...». Советую прочитать последние находки — журналы «Источник» (1993, №№ 4, 5—6) и «Вопросы истории» (1994, № 3). Отважен Шолохов, как никто другой!

В СОПОСТАВЛЕНИИ

Для тех, кто множит миф о коллаборационизме вождя и писателя,— несколько сопоставлений. Проследим, что провозглашал один и одновременно писал другой. И это лишь малая толика.

1929-й. Сталин — в статье «Год великого перелома»: «Небывалый успех в деле колхозного строительства...»

Шолохов — в письме: «Середняк уже раздавлен. Беднота голодает...»

1930-й. Сталин — на партсъезде: «Некоторые обывательски настроенные товарищи до сих пор думают, что можно было бы обойтись без борьбы...»

Шолохов в письме: «После этого и давайте говорить о союзе с середняком».

Сталин — там же: «Репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления».

Шолохов — в письме: «ГПУ выдергивает казаков и ссылает пачками. Милостью его (ГПУ) тишина и благодать».

Сталин — Горькому: «Сократить количество ноющих, хныкающих, сомневающихся и т. п.».

Шолохов — в письме: «Не обессудьте за «нытье»... Лавры Кибальчича меня не смущают...»

1932-й. Сталин — в речи: «Принятие чрезвычайных мер против кулачества, что вызывает комические вопли у Бухарина и Рыкова. А что в этом плохого?»

Шолохов с помощью Разметнова в сцене раскулачивания: «Да разве это дело? Я что, кат, что ли?»

1933-й. Сталин — в докладе: «В чем состоят основные результаты наших успехов? В охвате колхозным строительством и в уничтожении в связи с этим обнищания и пауперизма в деревне».

Шолохов — Сталину: «Помните ли Вы, Иосиф Виссарионович, очерк Короленко «В успокоенной деревне»? Так вот этакое «исчезновение» было проделано не над тремя заподозренными, а над десятками тысяч колхозников... По колхозам свирепствует произвол... Слов нет, не все перемрут даже в том случае, если государство вообще ничего не даст...»

ТОСТ БЕЗ ВЗАИМНОСТИ

1932-й. Мало кто знает о встрече Сталина с писателями. Только спустя 59 лет напечатаны записки К. Зелинского. Я нашел в архиве дополнения.

Сталин. Произнес тост «За самого скромного... за товарища Шолохова». И тут же о Мелехове как «нетипичном представителе крестьянства».

Выходит, первым в партлитпропаганде дал установку считать его отщепенцем.

Шолохов. Отверг уговоры выступить. Отказался от призыва Фадеева попеть в застолье. И как раз во время «разбора» образа Мелехова покинул собравшихся...

Зелинский о Сталине: «В лице появляется нечто хитрое. Пожалуй, тигриное».

Шолохов в романе «Они сражались за Родину»: «У Сталина глаза сузились, как у тигра перед прыжком».

ТОЧКА ОТСЧЕТА

1936-й. Премьера оперы «Тихий Дон». 20 января в «Правде» заголовок: «Беседа товарищей Сталина и Молотова с авторами оперного спектакля «Тихий Дон». В конце шло: «Высказали ряд замечаний о необходимости устранить отдельные недочеты в оформлении». Вождь сказал художнику: «Формализм чужд народу».

Через несколько номеров две статьи — погромные — о Шостаковиче «Сумбур вместо музыки» и «Балетная фальшь». Затем «О художниках-пачкунах» (Лентулов, Тышлер, Штеренберг) и «Внешний блеск и фальшивое содержание» (о М. Булгакове).

В буклетике к премьере критика Шолохова: «Он слишком много внимания уделял казачьему быту и даже этот быт идеализировал».

ДОНОС

1937-й. В ЦК пришел анонимный донос. Убойные обвинения в том, что Шолохов «сплачивает» троцкистов.

В это время в Вешенской: «Провоцировали. Следователь Маркович кричал: «Почему не говоришь о Шолохове? Он же, блядина, сидит у нас! И сидит крепко! Контрреволюционный писака, а ты его покрываешь?! Бил...» Это из письма Шолохова Сталину. Заведены «дела» на двух близких родственников, в тюрьме брат жены.

СТАЛИНУ СЕКРЕТНО

Вл. Ставский, секретарь ССП, побывал на Дону и тут же за письмо. Оно очень велико для газетной публикации. Потому кое-что сократил (к примеру, то, что при перепроверке оказалось преувеличенным).

«В ЦК ВКП(б). Секретно. Тов. Сталину И. В.

В связи с тревожными сообщениями о поведении Михаила Шолохова, я побывал у него в станице Вешенской.

Шолохов не поехал в Испанию на Международный конгресс писателей. Он объясняет это «сложностью своего политического положения в Вешенском районе».

М. Шолохов до сих пор не сдал ни 4-й книги «Тихого Дона», ни 2-й книги «Поднятой целины». Он говорит, что обстановка и условия его жизни в Вешенском районе лишили его возможности писать.

Мне пришлось прочитать 300 страниц на машинке рукописи IV книги «Тихого Дона». Удручающее впечатление производит картина разрушения хутора Татарского, смерть Дарьи и Натальи Мелеховых, общий тон разрушения и какой-то безнадежности, лежащей на всех трехстах страницах; в этом мрачном тоне теряется и вспышка патриотизма (против англичан) и гнева против генералов у Григория Мелехова.

М. Шолохов рассказал мне, что в конце концов Григорий Мелехов бросает оружие и борьбу.

— Большевиком же я его делать никак не могу.

Какова же вешенская обстановка у Шолохова? Три месяца тому назад арестован б. секретарь Вешенского райкома ВКП(б) Луговой — самый близкий политический и личный друг Шолохова. Ранее и позднее арестована группа работников района (б. зав. РайЗО Красюков, б. пред. РИКа Логачев и другие),— все они обвиняются в принадлежности к контрреволюционной троцкистской организации.

М. Шолохов прямо мне заявил:

— Я не верю в виновность Лугового, и если его осудят, значит, и я виноват, и меня осудят. Ведь мы вместе все делали в районе.

Вспоминая о Луговом, он находил в нем только положительные черты (...)

С большим раздражением, граничащим со злобой, говорил М. Шолохов: (...) Смотри, что делается! Гнали нас с севом, с уборкой, а сами хлеб в Базках гноят. Десятки тысяч пудов гниет под открытым небом!

На другой день я проверил эти слова Шолохова. Действительно, на берегу Дона в Базках лежат (частью попревшие) около 10.000 тонн пшеницы. Только в последние дни (после дождей) был прислан брезент. Вредители из Союзхлеба арестованы.

Озлобленно говорил М. Шолохов о том, что районный работник НКВД следит за ним, собирает всяческие сплетни о нем и о его родных.

В порыве откровенности М. Шолохов сказал:

— Мне приходят в голову такие мысли, что потом самому страшно от них становится.

Я воспринял это как признание о мыслях про самоубийство.

(...) Из дальнейшего разговора со всей очевидностью вытекает, что он допустил уже в последнее время грубые политические ошибки.

1) Получив в начале августа письмо (на папиросной бумаге) из ссылки б. зав. РайЗО Красюкова, он никому его не показал, а вытащил впервые только в разговоре со мной. И то — как аргумент за Лугового. В письме Красюков писал, что он невиновен, что следствие было неправильное и преступное, и т. д.

На мой вопрос: снял ли он копию с этого письма? — Шолохов сказал, что снял, но ни Евдокимову, ни в райком не давал.

(...) 3) На краевой конференции Шолохов был избран в секретариат и ни разу не зашел туда.

В крае (Ростов-Дон) к Шолохову отношение крайне настороженное. Тов. Евдокимов сказал:

— Мы не хотим Шолохова отдавать врагам, хотим его оторвать от них и сделать своим!

Вместе с тем тов. Евдокимов также и добавил:

— Если б это был не Шолохов с его именем, он давно бы у нас был арестован.

(...) Лучше всего было бы для Шолохова, на которого и сейчас влияет его жены родня,— от нее прямо несет контрреволюцией,— уехать из станицы в промышленный центр, но он решительно против этого, я был бессилен убедить в этом.

(...) Жалуясь, что он не может писать, Шолохов почему-то нашел нужным упомянуть, что вот он послал за границу куски IV книги, но они были задержаны в Москве (Главлитом) и из заграницы к нему пришли запросы: где рукопись? Не случилось ли чего?

(...) Мы условились, что он будет чаще писать и приедет в ближайшее время в Москву.

Но основное — его метания, его изолированность (по его вине), его сомнения вызывают серьезные опасения, и об этом я сообщаю».

Дополню: Ставский, как выяснил, осторожничает — рассказал далеко не все о невиданной по тем временам отваге и в творчестве, и в сопротивлении власти, и в защите «врагов народа». Но даже такое письмо показывает жуткую обстановку, в которой боролся за правду и сопротивлялся неправде всего-то 32-летний человек.

Напомню: в 1938 году все-таки был отдан приказ на арест. Спасло то, что бежал...

ЕЩЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ

1939-й. 60-летие Сталина. Пенный подхалимаж переполнил всю печать. Вышла книга. Даже тот, кто потом возглавит разоблачение культа вождя, славословит: «Сталин — друг народа в своей простоте. Сталин — отец народа в своей любви к народу. Сталин — вождь народов в своей мудрости руководителя борьбой народов...»

Шолохов в этой же книге: «Оценивать деятельность великого человека, не злоупотребляя эпитетами...» И даже так: «Без многословия... Без частых упоминаний...»

Напомню: ни в одном романе Шолохова нет никаких сцен с восхвалением вождя, а в «Тихом Доне» он вообще отсутствует.

ВОЙНА — ОБЩЕНИЯ

1941-й. Письмо: «Дорогой т. Сталин! Сегодня я вернулся с фронта и хотел бы лично Вам сообщить о ряде фактов, имеющих немаловажное значение для дела обороны нашей страны. М. Шолохов. 2 сентября 1941 г.».

Не откликнулся Сталин.

1942-й. Сталин — Шолохову: «Мне хотелось пожелать Вам нового талантливого, всеохватного романа, в котором бы правдиво и ярко, как в «Тихом Доне», были изображены и герои-солдаты, и гениальные полководцы».

Не откликнулся Шолохов. В романе «Они сражались...» герои в солдатских и лейтенантских гимнастерках появились, а отсутствовали в похвалах полководцы, а генералиссимусу только в основном критика. Отдал перо дважды жертве войны и по плену «там», и по «своему» НКВД генералу Лукину, что стал одним из прототипов.

«ТИХИЙ ДОН» ЗА РУБЕЖОМ

1943-й. ЦК рассматривает предложение Совнаркома издать для Англии несколько книг. Аргументация такова: «В настоящее время в Англии и ее владениях проявляется значительный интерес к советской политической и художественной литературе». Жирный синий карандаш вычеркнул из списка «Тихий Дон».

1944-й. В архиве ЦК наткнулся на стенограмму пленума ССП. Один из работников аппарата сообщил: «Как это ни странно, «Тихий Дон» вышел в Венгрии».

«ПРАВИЛЬНО ОТМЕЧЕНЫ...»

1943-й. Нашел в архивной папке второго деятеля партии Г. Маленкова машинопись первых глав «Они сражались за Родину». Вся в подчеркиваниях — в основном там, где об отступлении.

1949-й. После публикации новых глав донос Суслову. Он запрашивает мнение аппарата. Ответ таков: «В письме, как и в ряде других писем читателей, полученных Отделом пропаганды, правильно отмечены некоторые недостатки новых глав».

В доносе работника Воениздата шло: «Искажение нашей действительности... Ужасная клевета... Страшный поклеп... Трудно поверить, что это «творчество» — дело рук советского писателя...».

1968-й. Брежнев, как я уже писал в «Культуре», благословил многочисленные политизъятия в новой части романа. Вычеркнуты антисталинские строки. Протест Шолохова оставил без внимания.

УНИЖЕНИЯ

1945-й. В ЦК работают над списком изданий. В проекте постановления против каждого — ставка гонорара. Сперва почти всем — «200 тыс. руб.», но Шолохову «150». Во 2-м варианте его уравняли. Окончательный синий карандаш переправил на «150». И это-то за «Тихий Дон»!

МНОГОЛЕТНЯЯ НЕМИЛОСТЬ

1947-й. Письмо Сталину. Грустно мне читать его. В нем, как чувствую, унизительность самой по себе надобности просить. Кстати, письмо это печатается впервые.

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

За переиздание моих книг в Англии, Америке и Швеции зарубежными издательствами мне переведены во Внешторгбанк некоторые суммы инвалюты.

Чтобы использовать эти деньги, я обратился зимой этого года к т. Жданову за разрешением поехать в Америку или в Англию. Тогда т. Жданов не посоветовал ехать в эти страны, и последующие события подтвердили правильность его совета.

Последний раз, с Вашего разрешения, я был за границей в 1935 г. (если не считать пребывания в Восточной Пруссии на фронте в марте 1945). Мои товарищи писатели — Фадеев, Симонов, Эренбург, Горбатов, Сурков, Кожевников и другие — после войны побывали во многих странах. В прошлые годы мне было не до поездок, так как я много и трудно работал над романом «Они сражались за Родину». Сейчас, накануне завершения работы над книгой, мне хотелось бы, если это можно, поехать с женой в Швецию, на непродолжительный срок, используя для поездки причитающиеся мне за переводы деньги.

Прошу Вас разрешить мне эту поездку.

Я не видел Вас пять лет, но не посмел просить Вас принять меня по такому мелкому вопросу, а потому обращаюсь с этим письмом.

Сейчас я нахожусь в Москве и ожидаю Вашего решения. Прошу уведомить меня о нем через т. Поскребышева, которому известен мой адрес».

Не дождался Шолохов ответа.

СТАЛИН ДЖИЛАСУ...

1948-й. Сталин в ночном застолье беседует с важным гостем из Югославии. Джилас, самый близкий соратник Тито. Это впоследствии он станет антикоммунистом. И вот его свидетельство:

«Говоря о современной советской литературе, я — как более или менее все иностранцы — указал на Шолохова. Сталин сказал: «Сейчас есть и лучшие,— назвал две не известные мне фамилии, одну из них женскую».

В 1949 году от критики Сталиным «Тихого Дона» остановлено переиздание и затребованы переделки, Шолохов не смирился, пишет вождю: «Ко мне обращаются за разъяснениями, но я молчу, ожидая Ваших слов...». Ответа не последовало.

Г. МАЛЕНКОВУ: «ГУБИТЕЛЬНО...»

1950-й. Три выстрела по Шолохову.

...Он полон желания продолжать военный роман. Но мешают. Маленков получает письмо. В нем: «Дело в следующем: завершая первую книгу романа «Они сражались за Родину», и уже приступил к работе над второй, испытываю острую необходимость ознакомиться с материалами, касающимися обороны Сталинграда...». Шолохов в оторопи: «С этим я не смогу — как мне было сказано — ознакомиться без Вашего на то указания». Еще горше: «Вы понимаете, как губительно отразится на моей работе отсутствие этого материала, а потому и прошу о Вашей помощи».

На письме резолюция — она ни к чему не обязывает: «Прошу ознакомить тт. Громова и Егорова».

Ждет Шолохов. Только через 8 месяцев я обнаружил след в архиве — сплошь невнятица: «В секретариат тов. Маленкова Г. М. Письмо от Шолохова докладывал секретарю ЦК ВКП(б) тов. Маленкову Г. М. и по существу вопросов, изложенных в письме, получил соответствующие указания. Заведующий административным отделом ЦК ВКПБ(б) Громов».

...Маленков получает «Справку о литературном критике Гоффеншефере Г. Ц. «Появилась резолюция: «Доложите об этом деле на секретариате ЦК».

В справке удар по критику, удар по писателю.

О Гоффеншефере: «...Серьезные ошибки. Так, например, в его книге «Михаил Шолохов» (Гослитиздат М., 1940) при характеристике творчества Шолохова он видит недостатки писателя в изображении коммунистов лишь в том, что мало показываются их психологические переживания».

О Шолохове: «Действительные недостатки произведения известного писателя в описании коммунистов...»

...Из Вешек телеграмма: «Срочная. Москва. ЦК ВКП(б). Товарищу Маленкову. Убедительно прошу Вас ознакомиться моей статьей Правде тчк Совершенно неприемлемые сокращения лишают меня возможности опубликования статьи тчк Ваш Шолохов».

ОСУЖДЕННЫЙ ЕРЕТИК

Кто в числе самых первых призывал расставаться со сталинщиной в литературе?

...А. Фадеев в 1953-м направил в ЦК записку «О застарелых бюрократических извращениях в деле руководства советским искусством и литературой и способах исправления этих недостатков».

Реакция ЦК: «ЦК КПСС считает неверной общую пессимистическую оценку, которую дает советскому искусству и литературе т. Фадеев».

Шолохов в 1954-м в речи на съезде писателей: «Остается бедствием серый поток бесцветной, посредственной литературы... У нас не может быть и не должно быть литературных сеттельментов и лиц, пользующихся правом неприкосновенности... Нужен руководитель, стоящий вне всяких группировок и группировочек...». Его поддержал В. Овечкин.

Реакция ЦК: «Необоснованно дали отрицательную оценку современной советской литературе... Критика имела односторонний характер... Отвлекла съезд от серьезного обсуждения важных творческих вопросов».

Шолохов в 1956-м на XX съезде партии:

Никаких впредь заданий по «валовому» охвату писателей злободневными темами. ...Серьезная литература не кинохроника.

Властолюбие в писательском деле — вещь никчемная. Союз писателей — не воинская часть и уж никак не штрафной батальон, и стоять по стойке «смирно» никто из писателей не будет...

Постепенно Союз писателей из творческой организации, какой он должен быть, превращался в организацию административную...

Реакция ЦК. По итогам съезда совещание под председательством Суслова, Брежнева, Фурцевой. С оценками речи Шолохова выступил секретарь правления ССП Б. Полевой. Сказал:

Речь Шолохова, по моему твердому убеждению, нанесла существенный вред, и в этом надо отдавать отчет.

Избиение построил приговорным перечнем шолоховских тезисов. Например. «Второй тезис. Наша литература по существу погасла в 30-х годах. Но именно в 30-е годы с особой остротой встает лозунг партийности литературы... Именно с 30-х годов партия стала особенно заниматься и руководить литературой... Все наши заклятые «друзья» на Западе все время говорили, что в 30-х годах литература кончилась...»

«ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ»...

1958-й. «Доктор Живаго» Б. Пастернака... Нельзя было и подумать о выпуске романа — антисоветчина!

Шолохов в Париже. Оттуда в ЦК шифровка от советского посла. Она обретает гриф: «Секретно. Весьма срочно. Всем членам Политбюро».

Оказывается, Шолохов заявил для «буржуазной» газеты: «Надо было опубликовать книгу Пастернака «Доктор Живаго» в Советском Союзе вместо того, чтобы запрещать...»

ЦК без никакого промедления с отпором в привычных репрессивных партвыражениях: «Обратить внимание т. Шолохова на недопустимость подобных заявлений, противоречащих нашим интересам».

В тот же год Записка-донос Суслову: «Докладываю, что 26 декабря нами была организована встреча личного состава академии с писателем Шолоховым...» В конце политприговор: «При ответах на вопросы тов. Шолохов допускал вольности, граничащие с аполитичностью».

НАКАЗ ВЛАСТИТЕЛЯМ

1959-й. Вышла вторая книга «Поднятой целины». Не удержусь, да напомню, к примеру, такую сцену — ничуть не устарела.

...Давыдов упрекает одного колхозника за непоспешание и уверен, что нашел доходчивый пример: «—Ну, а если, скажем, пожар на хуторе случится, ты и с бочкой воды будешь ехать такими же позорными темпами?»

И пошли выяснять взгляды:

— На пожар таких, как я, с бочками не посылают...

— А каких же посылают?

— Таких, как ты да Макар Нагульнов...

Начал уточнять: «Вам с Макаром только воду возить, на лошадях во весь опор скакать, чтобы мыло с них во все стороны шмотьями летело, а тушить будем мы, колхозники,— кто с ведром, кто с багром, кто с топором... А распоряжаться на пожаре будет Разметнов, больше некому...»

И ключевая, наставная, давно заповедная для Шолохова мысль:

«Мы, народ то есть, живем пока потихоньку, пока шагом живем, нам и надо без лишней сутолоки и поспешки дело делать, пожар тушить...».

Сутолона... Твардовский впишет в «Страну Муравию»: «—Товарищ Сталин! Дай ответ, Чтоб люди зря не спорили: Конец предвидится, ай нет Всей этой суетории?».

ВЕСЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Шолохов и в самом деле высказал уничтожающе критическую оценку двум диссидентам — фамилии не назвал, но все знали: Синявский и Даниэль.

Весы справедливости о двух чашах. Напомню, кого Шолохов защищал, к примеру, с 1937 года и вплоть до времен борьбы власти против «безродных космополитов», оппозиционного «Нового мира» и преследуемого Солженицына.

«Кулаки, участники Вешенского контрреволюционного восстания в 1919 г. и реэмигранты (из них 18 чел. арестованы как участники правотроцкистской организации)». Вот как доложено Сталину о тех «185 невинных», за кого заступился писатель.

«Сотни коммунистов до сих пор томятся в тюрьмах и ссылках... Надо покончить с постыдной системой пыток...» Это из письма Сталину.

100 тысяч жителей 2 районов Дона обязаны писателю спасением от организованного голода. Это результат опасно-смелых писем Шолохова Сталину. Но мало кто знает, что рискнул он опротестовать приговор вождя казачеству в «саботаже».

Вызволял из застенков сына А. Ахматовой Л. Гумилева, конструктора «Катюши» И. Клейменова, сына А. Платонова, критика И. Макарьева, вступился за честь генерала Лукина (клеймо от плена)...

Помогал остаться в творчестве А. Ахматовой, О. Берггольц, А. Платонову, актрисе Э. Цесарской, «безродному» критику А. Гурвичу, высказал симпатии «Одному дню Ивана Денисовича» Солженицына, «Теркину на том свете» Твардовского. Напомню про Пастернака. Усовестил академиков, которые отказывали Л. Леонову в праве войти в их ряды. Не подписал письмо против «Нового мира» и не оставлял без внимания опальный в 60-е годы журнал «Молодая гвардия». Возглавил редколлегию собрания сочинений Есенина, тогда это расценили вызовом. Написал предисловие к одной из книг В. Даля и побудил этим переиздать после долгих десятилетий. И еще, еще. И при этом не скрывал своих принципов писателя-коммуниста.

ПРЕКОСЛОВИЯ

Конец 70-х. Застой официальной общественно-политической мысли. Парадность, боязнь новизны, скудоумие на оценки прошлого и в загляде вперед.

Младший сын писателя — спасибо! — сохранил неоднократные записи крамольных рассуждений. Вот некоторые из них:

«Гражданская война, она, брат, помимо всего прочего, тем пакостна, что ни победы, ни победителя в ней не бывает...

И вот расселись эти герои революции по руководящим креслам. Знаний-то фактически никаких. Только и оставили войны умение одно — получать приказы да отдавать. И летит хуторской комиссар сломя голову к станичному за приказом. А тот-то такой же умелец, только званием повыше,— в область. А тому куда? Тут уж хочешь не хочешь, а должен где-то на самом верху появиться вождь... Человек, способный взять на себя смелость принимать окончательные, верховные решения. Для всех. Сверху донизу, от Москвы до самых окраин... Боюсь, что Сталин еще не самый худший вариант из того, что могло бы получиться...

«РАЗЪЯСНИТЬ т. ШОЛОХОВУ...»

1978-й. Шолохов Брежневу огромное письмо. Обеспокоен положением культуры. При этом не тщится стать единственным вершителем ее судеб и не претендует на единоличную истину. Просит: «Для более широкого и детального рассмотрения всего комплекса вопросов русской культуры следовало бы, как представляется, создать авторитетную комиссию, состоящую из видных деятелей русской культуры, писателей, художников, архитекторов, поэтов, представителей Министерства культуры Российской Федерации, ученых-историков, философов, экономистов, социологов, которая должна разработать соответствующие рекомендации и план конкретной работы, рассчитанной на ряд лет».

Брежнев прочитал и начертал: «Секретариат ЦК. Прошу рассмотреть с последующим рассмотрением на ПБ» (Политбюро, значит).

Секретное постановление начиналось так: «1. Разъяснить т. Шолохову действительное положение дел с развитием культуры в стране и в Российской Федерации, необходимость более глубокого и точного подхода к поставленным им вопросам в высших интересах русского и советского народа. Никаких открытых дискуссий по поставленному им вопросу о русской культуре не открывать...».

ТЕСНА СХЕМА

Напомню об уничижительной цитате из газеты о Шолохове: «Классик соцреализма». Знаком ли автор с многочисленными отлучениями от официального признания? Вот некоторые из них...

1927-й. В. Ермилов: «Отклонение от стиля пролетарской литературы...».

1928-й. Журнал «На подъеме»: «Неясно проглядывает пролетарская литература».

1929-й. Из материалов РАППа: «Идеализация кулачества и белогвардейщины... Парализует партийные документы...».

1930-й. Из речи Фадеева на комфракции РАППа: «Возьмите Либединского и Шолохова... Это писатель-коммунист, книга, где он не ошибается, ваша, коммунистическая. У Шолохова вы видите, что это элемент переделывающийся: крестьянский или казачий, что идеология его другая, не ваша».

1933-й. Журнал «Знамя» о «Целине»: «Объективизм... Стали в непримиримой борьбе друг против друга две системы, два мира, а Шолохов как бы хочет взвесить на весах гуманизма — какая из них больше крови в борьбе пролила, на чьей стороне больше жертв, на чьей больше жестокости». «Молодая гвардия»: «Объективно это — затушевание контрреволюционной инициативы кулачества». На Западе отклики: «Автор «Тихого Дона» издал роман, в котором показана жестокость сталинской коллективизации», «Открыто критична к советской власти и воспевает явную несовместимость с марксистской философией...».

1940-й. Вновь о «Тихом Доне». А. Фадеев: «Мое личное мнение, что не показана победа сталинского дела». Ал. Толстой: «Конец «Тихого Дона» — замысел или ошибка? Я думаю, что ошибка...». А. Довженко: «Я прочитал книгу «Тихий Дон» с чувством внутренней неудовлетворенности. Пришла революция, советская власть, большевики разорили Тихий Дон, довели до оскудения страну... И на этом дело кончилось».

1942-й. Сталин: «В «Тихом Доне» храбрые люди изображены — и Мелехов, и Подтелков, и еще многие красные, и белые. А таких, как Суворов и Кутузов, нет. Войны же выигрываются именно такими великими полководцами».

О послевоенных оценках уже сообщил.

Ярлыки — наилегкое и привычное дело. Да и Шолохову не впервой. Но кто бы определил истинное место «Тихого Дона» в системе советской литературы, в структуре требований «соцреализма» и в организме народной культуры: рождался под влиянием и добровольно или вопреки и по приказу, сливается или отчужден...

ПЛАГИАТ

Обжигающая тема с конца 80-х годов. В архиве ЦК пока не обнаружил материалов, свидетельствующих об отношении власти к обвинениям в плагиате. Но помню, как мне и одному профессору было сказано секретарем ЦК в ответ на предложение издать книгу о плагиате: «Разве наш народ сомневается в Шолохове? Вот ты или я — разве мы сомневаемся?.. Тогда зачем приковывать внимание и как бы признавать возможность сомнений? Да и Шолохова не будем травмировать... Он болен». Так и замалчивали!

И нынче мало рассказывается, что версия о плагиате недостаточно доказана. Для меня, к примеру, никак не объяснимо:

— почему те, кто ставит под сомнение книгу датско-шведского научного коллектива с выводом об отсутствии плагиата на основе расчетов с помощью ЭВМ, не создадут контрольную группу филологов и программистов?

— почему не решаются на открытую встречу сторонников и противников версии о плагиате?

В этой третьей в «Культуре» моей публикации, конечно же, лишь малая часть материалов, которые тщательно укрывали в секретных архивах.

Вот, видно, причина живучести многодесятилетнего мифа о том, что Михаил Шолохов добровольный служитель сталинщины. Раньше это пропагандировали в заслугу. Нынче — в хулу. Да всегда без надежного числа фактов, доказательств и сопоставлений.

24 мая — день рождения писателя. В следующем году — 90-летие. Не опоздать бы оповестить об этом весь читающий и почитающий талант Шолохова люд и успеть начать отвечать на те вопросы, которыми испещрена его биография — не то по незнанию, не то по злу.

120